

¹ Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891. С. 13.

² Матовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.

³ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913.

⁴ Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. Омск, 1883.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 2. Д. 74. Л. 2.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 12. Д. 13280.

⁷ Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. II. - СПб., 1871. С. 356.

⁸ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. Пекин, 1959. С. 444.

⁹ Там же. С. 443.

¹⁰ Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 5.

У.Б. Очиров

К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в кон. XVII – нач. XX вв.

В XVII-XVIII вв. в калмыцких улусах неоднократно вспыхивали междоусобные столкновения, в результате которых ряд этнических групп ушел за пределы калмыцких кочевий, а некоторые из них при этом приняли православие и перешли к оседлому образу жизни. Калмыцкие феодалы и духовенство пытались воспрепятствовать этим процессам, но к концу XVIII в. численность «мигрантов» достигла уже 22,6 тыс. человек¹ (более 25,6% численности всего калмыцкого народа). Исследование динамики численности калмыцких этнических групп за пределами Калмыцкой степи осложняется отсутствием развернутых статистических исследований, особенно

в конце XVII – 1-й половине XVIII в. Анализ ситуации также затрудняется отсутствием стандарта в исчислении населения в источниках того времени. Общая численность калмыков упоминается редко, чаще используются такие показатели, как количество кибиток, лиц мужского пола, мужчин, годных к воинской службе. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют составить достаточно полную картину динамики численности этих групп.

Наиболее крупной этнической группой являлись донские калмыки. При сведении всех показателей к единому знаменателю пришлось принять ряд условностей, имеющих приблизительное значение. При исчислении семьи используется условный показатель 1:4,5, количество лиц мужского пола считается равным количеству лиц женского пола, количество мужчин, годных к воинской службе, соотносится с общим числом лиц мужского пола приблизительно как 1:5. Например, в Большедербетовском улусе в 1799 г. значилось 9525 лиц мужского пола, из которых 2016 считались годными к воинской службе², т.е. это соотношение равно примерно 1:4,7. На Новую Днепровскую линию в 1778 г. было переведено 378 доломановских калмыков мужского пола, в том числе 73 служилых³, здесь этот показатель равен 1:5,2. Поэтому, на наш взгляд, усредненный показатель 1:5 при работе с группами донских калмыков вполне приемлем.

Первые крупные группы калмыков на Дону появились в последней трети XVII в. В 1670 г. на Дону появился улус торгутовского тайши Бока, положивший начало поселению калмыков на Дону⁴. В конце 70-х гг. XVII в. поселение калмыков появилось и в слободской Украине, в Чугуеве⁵. После разорения поселения крещеных калмыков на р. Терешке российское правительство приняло решение о направлении всех крещеных калмыков на поселение в Чугуев. Позже на Дон стали прибывать другие группы калмыков, причем не только крупными улусами, но и небольшими семьями. После того, как ситуация стабилизировалась, калмыки вновь возвращались к своим кочевьям, до новых междоусобиц. Например, дербетовские улусы за 130 лет (1670-1800 гг.) откочевывали на Дон восемь раз (в 1690, 1701, 1717, 1723, 1741, 1762, 1788, 1795 гг.)⁶.

Однако часть калмыков во время этих перекочевок осталась на Дону и вошла в состав войска Донского на условиях несения казачьей службы. В 1695 г. после возвращения дербетов Четеря и Чер-

кес-батыра к своим кочевьям на Дону осталась группа калмыков, способная выставить 600 воинов. При возвращении улусов Менко-Темира в 1704 г. казачьим властям удалось удержать у себя группу дербетов, имеющих 555 «человек, способных к службе». В 1723 г. на территорию войска Донского откочевали зюнгары Даши-Батора, дербеты Четеря и Лабан-Дондука, где 300 кибиток калмыков «поступили в казачье звание»⁷. В 1733 г. на Дон перекочевал зюнгарский улус Будучжаба, который вошел в состав казачьего войска⁸. Кроме того, значительный процент донских калмыков могли составить мелкие группы и одиночные беглецы. Известно, что в период 1736-1753 гг., когда ситуация в калмыцких улусах была достаточно стабильной, на Дон бежало 366 кибиток (1515 человек). Эти группы калмыков были возвращены владельцам, но те, кто ушел раньше, остались в составе войска Донского. К концу XVIII в. общая численность донских калмыков составляла около 10 тыс. человек⁹.

В конце XVIII – начале XIX вв. на территории нынешней Украины кочевали довольно крупные группы калмыков, несущих казачью службу. На Новой Днепровской линии с 1778 г. кочевало более 760 доломановских (беляевских) калмыков¹⁰. Согласно IV ревизии (1782 г.) численность калмыков Екатеринославской губернии составляла 968 человек¹¹. Когда формировалось Екатеринославское казачье войско (1788 – 1796 гг.), в его состав вошли 1014 чугуевских калмыков-мужчин¹². Исходя из этого, можно предположить, что общая численность беляевских и чугуевских калмыков в тот период составляла 3 тысячи человек. По данным V ревизии (1795 г.), в Новороссии было 13622 донских, чугуевских и беляевских калмыков¹³. В 1803 г. беляевские и чугуевские калмыки вошли в состав войска Донского.

Некоторые исследователи полагают, что в состав донских калмыков позже переходили другие группы¹⁴. Например, в 1818 г. представ Ю. Тапилин сообщил, что на территорию войска Донского перешли 3 тысячи кибиток дербетов. Однако, по данным Калмыцкого правления в 1819 г. на Дону числилось 13326 калмыков¹⁵, т.е. эта группа не вошла в состав донских улусов. В 1832 г. в результате тяжелого кризиса из Малодербетовского улуса начались массовые побег. Около 2 тыс. кибиток откочевали на Дон, но они были воз-

вращены. Еще 975 кибиток из Ульдючинов, Чоносов и части Кевюдов бежали на Ставрополье и в область Кубанского войска, однако 700 кибиток позже вернулись к своим кочевьям. Что касается оставшихся 275 кибиток, то Н.Н. Пальмов полагал, что им удалось пробраться на Дон¹⁶. Указов об их переводе в состав казачества нам найти не удалось, но в более поздних документах есть упоминания о новых сотнях в составе Калмыцкого кочевья: Кевюдовской и Геленгекинской. Это подтверждают и данные переписей, согласно которым численность донских калмыков увеличилась с 13622 человек в 1822 г. до 16505 человек в 1834 году¹⁷.

К 1840 г., когда учет донских калмыков стал ежегодным, их численность выросла за 6 лет еще на 2910 человек. Такой демографический всплеск мог быть вызван как установлением более точной системы учета, так и приходом новых групп населения. В течение следующих 31 года численность донских калмыков увеличилась на 6721 человек (в среднем на 216 человек в год), несмотря на то, что в 1841, 1845, 1847, 1848, 1850 гг. были периоды спада. В 1840, 1841, 1846, 1866, 1869 гг. отмечены резкие колебания в динамике народонаселения. Например, в 1840 г. численность донских калмыков увеличилась на 2128 человек, а в следующем году она сократилась на 3114 человек. Колебания до 1870 г., скорее всего, были вызваны перекочевками донских калмыков за пределы калмыцкого кочевья. Это подтверждается и тем, что прирост населения очень редко совпадал с цифрой превышения рождаемости над смертностью. Например, в 1870 г. численность донских калмыков к 1 января 1870 г. увеличилась на 1863 человека, в то время как превышение рождаемости над смертностью составило 420 человек¹⁸. В последующем, динамика роста населения донских калмыков продолжала оставаться устойчивой (средний ежегодный прирост – 220-227 человек). Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. на Дону было около 32 тысяч калмыков¹⁹. «Памятные книжки Области Войска Донского» показывают другие данные, например, численность калмыков в 1898 г. была определена в 28 тысяч человек, на начало XX в. – 28,6 тысяч, а на 1903 г. – 30,6 тысяч, на 1913 г. – 31,5 тысяч²⁰.

Следующей по численности была группа ставропольских калмыков. Ставропольское войско было образовано в 1738 г., когда

царские власти поселили крещеных калмыков под управлением княгини Анны Тайшиной на средней Волге возле крепости Ставрополь²¹. К 1754 г. их число составляло 8695 человек²². После разгрома Джунгарского ханства в 1755-1759 гг. в состав Ставропольского войска вошло еще 2961 человек из числа ойратов²³, прибывших с территории Центральной Азии. Таким образом, общая численность ставропольских калмыков в середине XVIII в. превысила 11,5 тысяч человек. При сведении различных показателей к единому знаменателю использовались те же критерии, что и у донских, за одним исключением: соотношение мужчин, годных к службе, с общим числом лиц мужского пола для ставропольских калмыков равняется приблизительно 2:5. Например, из 4304 мужчин, числившихся в 1768 г., «способными к службе» считались 1816 человек²⁴, т.е. это соотношение было равно 2:4,7. В 1805 г. это соотношение было равно 2:5 (1030 годных к службе из 2554 калмыков)²⁵. Это различие было вызвано тем, что у ставропольских калмыков, формально считавшихся крещеными, ламы и гелюнги не имели льгот и зачислялись на военную службу. Однако ставропольских калмыков не устраивали условия жизни в казачьем войске, поскольку им пытались навязать оседлый образ жизни.

9 февраля 1764 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов сообщил Екатерине II о том, что до тысячи семей калмыков бежали из ставропольского поселения из-за неблагоприятного климата и ностальгии по родным местам²⁶. По данным III ревизии на Средней Волге численность ставропольских калмыков сократилась до 8,5 тыс. калмыков²⁷. В декабре 1768 г. в Ставропольском войске значилось уже 8217 калмыков²⁸, а в 1771 г. – 8015 калмыков²⁹. К.П. Шовунов утверждал, ссылаясь на данные ЦГИАР, что к 1771 г. численность ставропольских калмыков возросла до 14 тысяч³⁰, однако эти цифры вызывают сомнение.

В ведомстве Оренбургской губернии находились также уральские и оренбургские калмыки. В 1725 г. 110 калмыков вошли в состав Яицкого войска. После этого в состав войска по решению Оренбургской администрации было зачислено еще несколько групп и к 1748 г. их численность составила 470 калмыков, годных к службе, в том числе некрещеных. После требования Дондук-Даши в 1749 г. о возвращении их в улусы 84 некрещеных калмыка приняли православие, остальные были возвращены³¹. В 1748 г. был создан Орен-

бургский казачий корпус, четверть штата которого составляли крещеные калмыки, татары и мешчеряки. В составе Оренбургского корпуса были сформированы две роты из числа калмыков «ныне тамо обретающихся»³². Позже в состав корпуса зачислялись другие группы калмыков – вышедшие из казахского плена и Джунгарии. Согласно III ревизии в Оренбургском уезде в 1762 г. кочевало 1483 калмыка³³. По данным Т.И. Беликова в 1773 г. в числе прихожан г. Оренбурга значилось 226 кибиток калмыков (895 человек)³⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что к 1771 г. в корпусах Оренбургской губернии числилось до 10 тысяч калмыков.

Однако численность калмыков в Среднем Поволжье и Южном Приуралье продолжала сокращаться. Большой урон нанесла крестьянская война 1773-1775 гг.: если в 1771 г. насчитывалось 8 тыс. ставропольских калмыков, то в 1774 г. – не более 5,5 тыс.³⁵ По данным IV ревизии численность оренбургских калмыков сократилась до 200 человек³⁶. Кроме того, в 1776 г. Ставрополь был закрыт для новых переселенцев-калмыков³⁷. По данным V ревизии численность ставропольских и оренбургских калмыков возросла на несколько сотен (до 6,3 и 0,5 тыс. соответственно), вероятно, за счет улучшения системы учета. Уральские калмыки по этим переписям не учитывались и проследить изменения численности этой группы во 2-й половине XVIII – начале XIX вв. довольно трудно. Однако условия службы в казачьих войсках для калмыков оказались очень тяжелыми, что привело к их разорению и обнищанию. Отрицательно сказались на состоянии здоровья калмыков «дурная пища, зимние холода и особенно дурное устройство жилищ». Средняя продолжительность жизни ставропольских калмыков в этот период не превышала 40 лет. В улусах была высокая детская смертность: 72% умерших составляли дети в возрасте до 3 лет³⁸. Если в 1805 г. в войске числилось 2554 калмыка мужского пола, то в 1840 г. – уже 1749³⁹. В 1842 г. был издан указ об упразднении Ставропольского войска. Калмыки в количестве 3321 человек были переведены в Оренбургское войско и расселены малыми группами среди иноэтничного населения, что привело к быстрой ассимиляции.

Время показало, что политика обоседления и ассимиляции оренбургских (ставропольских) калмыков имела весьма трагические последствия. В 1866 г. численность оренбургских калмыков состав-

ляла всего 2770 человек, а к 1893 г. сократилась до 1288 душ. Условия, не соответствовавшие образу жизни калмыков, вели к вымиранию целых селений. Резкий переход от полукочевой жизни к оседлой тяжело отразился на всем калмыцком поселении. В Оренбургской губернии калмыки преследовались за любое проявление кочевой жизни, им запрещалось ставить кибитки, вести традиционный образ жизни⁴⁰. Первая всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала в Оренбургской губернии 1204 человека⁴¹.

Группа уральских калмыков, видимо, переживала схожий кризис, хотя и не в столь тяжелых формах. Подавляющая часть уральских калмыков вела кочевой образ жизни, хотя перекочевки разрешались только 4 месяца в году. По данным на 1845 г. в войске проживало около 1200 уральских калмыков, а в 1862 г. зарегистрировано 1184 калмыка. Однако в результате высокой смертности численность их катастрофически падала. Например, за период с 1876 по 1885 гг. родилось 450, а умерло 574 человека, т.е. темпы роста населения были отрицательными (-124). В 1885 г. в Уральском войске числилось 934 калмыка, а к концу XIX в. – всего 706⁴².

После ликвидации Калмыцкого ханства 1771 г. образовалась еще одна этническая группа за пределами калмыцкого кочевья – терские калмыки. В 1777 г. 80 калмыцких кибиток из 200, бежавших под покровительство астраханской епархии, стали переселяться на Северный Кавказ, где 495 калмыков были причислены к Моздокскому казачьему полку сверх штата⁴³. Переселение остальных 120 семей обычно датируют 1780 г., но в данных IV ревизии они не учтены. К концу XVIII в. терские калмыки разделились на три группы: Верхний улус (расположенный ближе к Моздоку) и Нижний (у Кизляра) улус и группу кумских калмыков, поселившихся между реками Кума и Гайдук. Калмыков из Верхнего и Нижнего улусов стали именовать «хуторскими». Численность этих групп постоянно колебалась: в 1794 г. на Тереке значилось 1052 человека, в 1800 г. – 800, в 1809 г. – 1058⁴⁴. Однако в целом их численность увеличивалась и к 1905 г. достигла 4392 человек. Столь необычный для кочевников рост населения, на наш взгляд, объясняется тем, что к терским калмыкам перекочевывали калмыки из приволжских улусов. По мнению ряда исследователей, это было вызвано тем, что Терское войско имело широкие неконтролируемые степи, а служба

здесь была не столь тяжелой, как в других войсках. Поэтому многие калмыки, недовольные условиями жизни в приволжских улусах, могли тайно переходить на Терек⁴⁵. С конца XIX в. вопросы землепользования на Кавказе стали упорядочивать, и территория, занимаемая калмыками, стала сокращаться. Видимо, это и привело к оттоку населения в начале XX в.: в 1908 г. числилось уже 4079 терских калмыков.

В дореволюционный период из состава калмыцкого народа выделились еще несколько групп: шереты, астраханские казаки-калмыки и др., но их численность была невелика. Согласно переписи 1897 г., в Ставропольской губернии проживало 1323 калмыка, а на территории области Кубанского войска значилось 378 калмыков. В Астраханском войске на 1904 г. было зарегистрировано 960 калмыков, а к 1911 – уже 738⁴⁶. Все эти группы были слишком малочисленны, чтобы представлять из себя устойчивые субэтноты, что вело к постепенной ассимиляции.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что этнические группы за пределами Калмыцкой степи представляли собой почти четвертую часть калмыцкого народа: в конце XVIII в. – более 25,6%, в конце XIX в. – более 22,5% всего калмыцкого населения. Однако темпы роста населения у этих групп были совершенно разными. Так, если кочевников принуждали к смене образа жизни, как это было со ставропольскими и оренбургскими калмыками, то это приводило к резкому увеличению смертности. Если же калмыкам позволяли сохранять прежний образ жизни и проживать компактной группой, как, например, донским, то это способствовало росту населения даже по сравнению с астраханскими улусами. Например, за период с 1795 по 1897 гг. численность Калмыцкой степи (с учетом Большедербетовского улуса) выросла на 211,4%, а численность донских калмыков за этот же период увеличилась на 237,5%.

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 225-230.

² Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 55.

³ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества. Элиста, 1992. С. 63

⁴ Гучинов М.И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века // Вестник КНИИЯЛИ. № 3. Элиста, 1968. С. 90.

- ⁵ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 43.
- ⁶ Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 105, 132, 248-254; Шовунов К.П. Указ. соч. С. 36, 39-40, 66-67 и др.
- ⁷ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 38.
- ⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 38-40.
- ⁹ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. (Заселение и хозяйство). Под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1977. С. 32.
- ¹⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 63.
- ¹¹ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 248.
- ¹² Шовунов К.П. Указ. соч. С. 166.
- ¹³ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 228.
- ¹⁴ Борисенко И.В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX вв.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 61.
- ¹⁵ См.: Шовунов К.П. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁶ Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 158. Лл. 106-107, 214.
- ¹⁷ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 23. Л. 27.
- ¹⁸ Маслаковец Н.А. Статистическое описание кочевья донских калмыков / Труды областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 37.
- ¹⁹ См.: Митиров А.Г. Указ. соч. С. 350.
- ²⁰ Памятная книжка Области Войска Донского на 1904 г. Новочеркасск, 1904. Раздел II. С. 16. Раздел III. С.8; Памятная книжка Области Войска Донского на 1915 г. Новочеркасск, 1915. Раздел II. С. 12.
- ²¹ Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев - сподвижник Пугачева. Элиста, 1978. С. 11.
- ²² Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Элиста, 1967. С. 205.
- ²³ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 135.
- ²⁴ Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773-1775). Элиста, 1971. С. 72.
- ²⁵ З-в Н. Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. № 7-8. Отд. 2. С. 34.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.
- ²⁷ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 84-85.
- ²⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 136.
- ²⁹ З-в Н. Указ. соч. С. 32.
- ³⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 136.
- ³¹ Научный архив КИГИ РАН, Ф. 4. Оп. 2. Д. 170. Л. 18.
- ³² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 1. 1750 г. Д. 17. Л. 23.
- ³³ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 248.

³⁴ Беликов Т.И. Указ. соч. С. 36-37.

³⁵ З-в Н. Указ. соч. С. 33.

³⁶ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 227.

³⁷ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.

³⁸ Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев - сподвижник Е.И. Пугачева. С. 34.

³⁹ З-в Н. Указ. соч. С. 35.

⁴⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 157.

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 10.

⁴² Шовунов К.П. Указ. соч. С. 162.

⁴³ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 15.

⁴⁴ Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и скотоводству. СПб., 1809. С. 423.

⁴⁵ Шовунов К.П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 100.

⁴⁶ Борисенко И.В. Указ. соч. С. 51.

В.П. Санчиров

О материальной культуре ойратов XIII-XVII веков

Самобытная материальная культура монгольских народов, являющаяся составной частью цивилизации Центральной Азии, изучена еще далеко недостаточно. Однако даже то, что о ней известно, позволяет говорить о довольно высоком, применительно к центральноазиатским условиям, ее развития. В докладе академика Б. Ширендыба на открытии Международного симпозиума «Роль кочевых народов в цивилизации в Центральной Азии», проводившегося в Улан-Баторе в мае 1973 г. под эгидой ЮНЕСКО, особо отмечалось значение для науки цивилизации такого обширного региона, каким является Центральная Азия: «Данный регион был довольно рано заселен первобытным человеком, здесь же возникло и развивалось первое крупное разделение общественного труда в форме кочевого скотоводства, а в дальнейшем образовались многие кочевые племенные союзы и государства»¹.

Предки средневековых монголов и ойратов – различные древнемонгольские и родственные им племена вошли в состав единого этнополитического объединения монголов, существовавшего в период империи чингисидов (XIII-XIV вв.). Специфические особен-